

Алексей ХАЛЬЗУНОВ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

*Сага о моём времени,
или Вырванные страницы*

Алексей Анатольевич Хальзунов родился в 1968 году в Оренбурге. После службы в армии окончил исторический факультет Оренбургского государственного педагогического института. Работал в образовательных учреждениях Оренбурга, два десятка лет возглавлял пресс-службу УФСИН России по Оренбургской области. Подполковник внутренней службы. Стихи публиковались в областных газетах, альманахах «Башня» и «Гостиный двор» (Оренбург), «Чаша круговая» (Екатеринбург), «Под часами» (Смоленск), журналах «Евразия», «Москва», «Урал» и др. Член Союза российских писателей. Лауреат региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2014), лауреат премии им. С.Т. Аксакова (2017). Живёт в Оренбурге.

*Моим друзьям,
не сгнувшим и сгнувшим в 1990-х,
посвящается*

Я случайно подобрал эту записную книжку в подъезде. Видимо, кто-то выносил мусор и обронил её на пол. Бегать по соседям и искать хозяина было глупо. Тем более, за сорок с лишним лет все соседи поменялись не единожды.

Странные цифры, номера телефонов и обрывочные записи...

Я попытался расшифровать эти строчки, написанные неразборчивым, неясным почерком. И внезапно понял, что в них есть некое предназначение, какая-то подсказка, обращённая то ли к кому-то, то ли ко мне самому...

*Мальчики,
воспарившие
в небо
с бумажными крыльями,
грезившие о признании,
мечтавшие стать известными,*

*сколько наивной глупости
в прошлом наговорили мы,
вечно плелись за лозунгами,
яркими и бесполезными,
веря
в любовь настоящую,
в то,
что надежды сбудутся,
где вы,
мои товарищи —
рыцари старой улицы?*

*По лагерям исправительным
и по войне разбросало.
В жизни мы мало видели —
знали о ней немало.*

*Нам постаменты — танками,
нам — как горох по темени.
Так и живём — подранками
смутного нашего времени...*

Экскаватор зацепил ковшом фундамент дома, предназначеного на снос только для того, чтобы здесь вырос новый банковский офис, как вдруг из бетонной крошки выпал металлический цилиндр. «Атас, братва! — заорал экскаваторщик, рыбкой выпрыгивая из тесной кабины, обрывая бока о рычаг и острый металл заржавленной двери. — Бомба!»

Нет, это была не бомба — это было письмо.

«Комсомольцам 2005-го от комсомольцев1955-го».

На пожелтевшем листе бумаги — строчки, написанные аккуратным девичьим почерком. Может быть, это писала моя мама?

*«Какие вы счастливые,
комсомольцы нового века!
Наверное, у вас давно
наступило бессмертие?
Наверное, вы давно гуляете
по Марсу?
Наверное, в мире уже
нет ядерного оружия?
Конечно, вы уже победили рак.
Какие вы счастливые!
Но всё же на миг вспомните,
что в вашем огромном счастье
есть маленькая доля нас —
комсомольцев пятидесятых...»*

Хозяин стройки, в 1980-х годах бывший вторым секретарём райкома комсомола, брезгливо разорвал записку, бросив небрежно: «Два часа потеряли. Работайте!» И снова заурчал движок экскаватора.

*Мы — не смертные.
Мы — сметные.
Наши души живут в реестрах —
обезличенными и кондовыми,
наши женщины ходят
в невестах,
но уже записаны вдовами.
От младенчества — с танцами,
песнями —
и до пенсии...*

(страница вырвана)

*Как же без вас мне плохо.
Свидимся ль снова вместе —
Санька, Сергунька, Алёха —
груз неподъёмный 200?*

Мы курили с другом на по- жарном балконе многоэтажки.

А он шагнул в нашу темноту, споткнулся глазами о капитан- ские звёздочки на моих погонах и выдохнул:

— Сынок...

На его руках мирно спал ще- нок пекинеса, мирно так спал... Друг сказал: «Не обращай вни- мания, опять Егорыч запил. Пят- надцать лет пьёт уже, достал. Сын погиб. Жена умерла. А ведь был когда-то ведущим инжене- ром в “ящике”».

Егорыч, опустив собачонку на пол, вдруг запел, не попадая в мелодию:

*«Тёмная ночь, только пули
свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
тускло звёзды мерцают...»*

— Товарищ капитан, дай чер- вонец, дай, сынок, червонец, пожалуйста. Мамка наша эту песню очень уважала. А ког- да, капитан, Вовку привезли, она эту песню ночами на кухне выла...

И он снова затянул, раскачи- ваясь назад-вперёд:

*«Смерть не страшна, с ней
не раз мы встречались в степи.
Вот и теперь надо мною
она кружится...»*

И тогда стало мне жутко...

Монолог человека с пекине- сом на руках
(Всё, что запомнил)

*«Ты скажи мне, капитан,
значит, всё и вправду зря?
Я не знал страны Афган
до восьмого декабря.»*

*Не дадут вовек ответ
мне ни партия, ни ВЦИК:
как неполных двадцать лет
поместились в страшный цинк?*

*Сам живу, себя казня,
лишь пульсирует щека.
Состоит моя семья
из меня и из щенка...»*

Он так и остался жить в восьми- десятых. Я протянул ему тысячу.

(страница вырвана)

Зря я взял в руки эту запис- ную книжку. Строчки плыли пе- ред глазами, чернила превраща- лись в кровь. Эти записи были посвящены мне...

(страница вырвана)

Мы целовались с ней в подъ- езде... Мимо нас прошуршала сумками какая-то старуха. Я и не знал, что через два месяца девочка, целующая мои губы се- годня, завтра станет королевой красоты моего города.

Позже она мне призналась: «Ты не понравился моей бабуш- ке. Она сказала, что в тебе есть что-то плебейское».

Бабушка, тащившая на горбу китайские сумки «мечта оккупан- та», ощущала себя дворянкой.

Спустя много лет располнев- шая тётка, в которой никто бы

там, где ненависть и враньё.
Вера — это сияние света.
Вера — сердце врача и поэта.
Вера — это терпенье моё.

Придаёт она чувство меры,
И, подобно чутким весам, —
Если б не было в жизни Веры,
Я б не ведал, что значу сам.
Каждый день верой
в Веру мерю,

За ошибки себя виню.
Так короткое слово «верю»
Равнозначно слову «люблю»!

(страница вырвана)

Я оканчивал исторический
факультет педагогического ин-
ститута имени человека, никогда
не бывавшего в Оренбурге, —
Валерия Чкалова. Тем не менее,
даже мой город почти двадцать
лет носил его имя.

Какими мы были счастливы-
ми тогда — в начале девяностых.
Как мы верили!

Однокурсники мои,
однокурсники...
Как любили мы девчат
и «капустники».
Не искали от судьбы
дивиденды мы.
Слыли-были, как один, —
диссидентами.

Отрекались, отрицали,
куражничали,
если деньги позволяли —
то бражничали.
Обожрались Перестройкой
и Гласностью...
А потом вдруг обнаружили
с ясностью,

что детишкам денег нет
на подгузники...
Однокурсники мои,
однокурсники...
Всё, что грезилось дорогой
отважную,
оказалось просто правдой
сермяжную —
что в стране своей мы были
не узники.
Однокурсники мои,
однокурсники...
Но для многих, кто прошёл
девяностыми,
обернулось это время
погостами.

Всё, что было ощущением
поиска,
стало только ожиданием
поезда,
за которым стать и стыть
за билетами...
Ах, как жаль, что слыли мы —
диссидентами.

В 1994 году нелепо погиб че-
ловек, имя которого прозвене-
ло на всю страну: сценарист и
драматург Алексей Саморядов.
Он был старше меня на восемь
лет. Блестяще одарённый, меч-
тавший о славе поэта, он писал
посредственные стихи, читая их
на ступеньках подъезда, где мы
угощали друг друга сигаретами,
думая каждый о грядущем при-
знании.

Его оно нашло...

Ты зацепишься за карниз.
Только обувь предаст, скользья.
Лёшка, все мы падаем вниз
так, что в гроб и собрать нельзя.

*Но по совести — не по лжи
подведём каждый свой итог.
Там, наверно, — тоже жизнь,
там, наверно, — ждёт нас Бог!*

*Он посмотрит из-за кулис,
Прикрывая рукой глаза.
И шагну я на свой карниз
Без надежды взойти назад...*

(страница вырвана)

Кто сказал бы мне, что после службы в армии, через одиннадцать лет, я надену на плечи лейтенантские погоны? Тем более там...

*Муза — девочка осторожная —
мне нашёптывала ни о чём.
Но внезапно судьба осторожная
зацепила меня плечом.*

*И колонии стыли в инее,
и не грели прожектора
там, где редко зовут по имени —
где привычнее номера.*

*Пусть на камне не будет
выбито,
что «мотал добровольно срок»,
но прокурено было и выпито,
сколько я б за полжизни не смог.*

(страница вырвана)

Мы шли навстречу друг другу по улице Советской. Улица была перегорожена предупреждающей красно-белой лентой. Я спросил: «Серёжа, там есть жизнь?» Он отрицательно помотал седой головой. И исчез... Кажется, я успел крикнуть:

«Мы обязательно встретимся!»
В июне 2019 года умер мой друг...

Это была последняя страница в записной книжке.

*Наших прожитых лет
не размазались только б границы.
Понимаю умом, да вот сердцем
принять не могу.
За последней чертой остаются
пустые страницы
ненapisанных книг,
что пытались писать на бегу.*

*Нам недолго уже. В этом нет
ни позёрства, ни фальши.
Где-нибудь во Вселенной,
земные дела отложив,
я тебя не спрошу: расскажи,
что же будет там дальше?
А, быть может, спрошу:
объясни, почему же я жив?*

*Бесконечность потерь
прекращает пугать понемногу.
Где-то там вдалеке ждут
друзья, и накрыты столы.
Мы, ещё не уверив, приходим
за помощью к Богу,
обнимая во сне вековые
деревьев стволы...*

*Каждый срез в сто веков —
это плата и это расплата
За безумную память, которой
не верить нельзя.
На каком-то витке остаётся
предсмертная дата.
Дата снов и надежд.
И когда не уходят друзья...*

2017-2020 гг.